

Разоблаченный проходимец. Франц Кафка

Наконец-то, часам к десяти, мы с моим спутником – я был с ним едва знаком, но он и сегодня будто невзначай за мной увязался и добрых два часа таскал меня по улицам – подошли к господскому дому, куда я был приглашен провести вечер.

– Ну вот, – сказал я, хлопнув в ладоши в знак того, что мне окончательно пора уходить. Я и до этого делал попытки с ним расстаться, но не такие решительные. Он меня ужасно утомил.

– Торопитесь наверх? – спросил он. Из рта у него послышался странный звук, будто лязгнули зубы.

– Да! Тороплюсь!

Я был зван в гости, о чем сразу же предупредил, и мне следовало давно уже быть наверху, где меня ждали, а не стоять у ворот, глядя куда-то вбок, мимо ушей моего случайного спутника. А тут мы еще замолчали, словно расположились здесь надолго. Нашему молчанию вторили обступившие нас дома и темнота на всем пространстве от крыш до самых звезд. И только шаги невидимых прохожих, чьи пути-дороги были мне безразличны, и ветер, прижимавшийся к противоположной стороне улицы, и граммофон, надрывавшийся за чьими-то запертыми окнами, располагались этой тишиной, словно они от века и навек ее полновластные хозяева.

Мой провожатый покорился неизбежности и с улыбкой, говорившей о сожалении – как его, так и якобы моем, – вытянул руку вдоль каменной ограды и, закрыв глаза, прислонился к ней головой.

Но я не стал провожать его улыбку взглядом – внезапный стыд заставил меня отвернуться. Только по улыбке догадался я, что передо мной самый обыкновенный проходимец из тех, что обманывают простаков. А ведь я не первый месяц в городе, мне ли не знать эту братию! Я не раз наблюдал, как такой пройдоха вечерами показывается из-за угла, гостеприимно простирая руки, словно трактирщик; как он толчется у афишной тумбы, перед которой вы стали, будто играет в прятки, но уже непременно хоть одним глазком подглядывает за вами; как на перекрестках, где вы невольно теряетесь, он выскакивает точно из-под земли и ждет вас на самом краю тротуара. Уж я-то вижу их насквозь, ведь это были мои первые городские знакомые, встреченные в захудалых харчевнях, и это им я обязан первыми уроками той неуступчивости, которая, как я успел убедиться, присуща всему на земле, так что я уже ощущаю ее и в самом себе. Такой субъект станет против вас и не сдвинется с места, хоть вы давно от него ускользнули и некого больше обманывать. Он не сядет, не ляжет и не упадет наземь, а все будет пялиться на вас, стараясь обмануть и на расстоянии! И у всех у них одни и те же приемы: станут поперек дороги, стараясь отвлечь вас от вашей цели, предлагая взамен для постоя собственную грудь; а когда вы наконец придете в ярость, бросятся к вам с распахнутыми объятиями.

И эти-то надоевшие фокусы я лишь сегодня распознал, до одури навозившись с тем субъектом. Я изо всех сил тер себе кончики пальцев, стараясь стряхнуть этот позор.

А субъект все стоял, прислонясь к стене, по-прежнему полагая себя пройдохой, и довольство собой румянило его щеки.

– Вы разгаданы! – крикнул я и даже легонько хлопнул его по плечу.

А потом взбежал по лестнице, и беспричинно преданные лица слуг в прихожей были для меня приятной неожиданностью. Я смотрел на одного, на другого, пока они снимали с меня пальто и обмахивали мне штiblеты. А потом вздохнул с облегчением и, выпрямившись во весь рост, вошел в гостиную.